
ТАША ВЕЙР
Пособие
По выживанию
для эльфийских
зануд

Таша вейр

Пособие по выживанию для эльфийских зануд

https://litres.ru/75035012
SelfPub; 2026

Аннотация

Хочешь избавить грядки от кротов? Никогда не заменяй пыльцу лунного папоротника сушёным укропом!

Восемнадцатилетняя сельская травница Маниша (которой на вид не дашь больше пятнадцати) просто хотела спасти редиску. А в итоге взорвала пространство над огородом и призвала из другого мира Габриэля — пятнадцатилетнего эльфа-аристократа, наследника поста главного канцлера и самого невыносимого зануду во всей Вселенной.

Вдобавок к ушастому недоразумению Манише достался бабушкин гримуар, в котором она не понимает ни слова, и толпа назойливых соседей под калиткой, требующих то приворот на кузнеца, то налог за дым из трубы. Решение напрашивается само собой: приватизировать безразмерную сумку эльфа, набить её солёными огурцами, малиновым вареньем и чугунной сковородкой — и рвануть смотреть большой мир!

Содержание

Глава 1. Отвар от кротов, ушастое недоразумение и банка огурцов 4
Глава 2. Инвентаризация катастрофы и развилка трёх абсурдов 20
Глава 3. Тропа красивых кустов, лесные разбойники и котелок-сплетник 44
Глава 4. Ночной регламент, розовый озон и медальон с двойным дном 60
Глава 5. Розовый кокон, утиный заговор и бродячий балаган 75
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Таша вейр
Пособие по выживанию для эльфийских зануд

Глава 1. Отвар от кротов, ушастое недоразумение и банка огурцов

Воздух над Бельгамией в тот полдень стоял такой густой, хоть ложкой черпай. Солнце палило нещадно, выжигая траву до цвета старой соломы и превращая огород за покосившимся плетнём в настоящую чугунную сковородку.

Маниша сидела на корточках посреди грядки и громко пыхтела, сдувая со лба прилипшую рыжую прядь. Со стороны — чистый подросток: худенькая, загорелая, с острыми коленками, торчащими из-под застиранного льняного сарафана, и густой россыпью рыжих веснушек на вздёрнутом носу. Никто в округе в жизни не дал бы ей восемнадцати. «Манишка-то? Да ей от силы пятнадцать, ветром сдует!» — судачили бабы у колодца, не подозревая, что внутри этой «пятнадцатилетней» пичуги с недавних пор ворочается магическая сила, от которой у старой бабки Агафьи в своё время

волосы дыбом вставали.

Правда, толку от этой силы пока было — как от козла молока.

— Да чтоб тебя… — сквозь зубы прошипела Маниша, звонко хлопнув себя по голой щиколотке. Наглый бельгамский комар, размером с хорошего слепня, размазался по коже, оставив зудящий красный волдырь. — И откуда вы только берётесь в такую сушь? Никакого спасу нет!

Вокруг гудели толстые мохнатые шмели, пахло разогретой землёй, горькой полынью и перезревшим укропом. А прямо перед носом у Маниши возвышался свежий, нагло дымящийся на солнце земляной холмик. Кроты. Проклятые подземные паразиты сожрали половину морковки, подрыли укроп и теперь нагло подбирались к самой крупной, наливной редиске.

Маниша вытерла тыльной стороной ладони взмокший лоб, оставив на щеке живописный земляной развод, и покосилась на раскрытый фолиант, лежащий прямо на меже. Бабушкин гримуар. Наследство, чтоб его. Когда месяц назад бабка Агафья тихо ушла в мир иной, наказав внучке «беречь дар, людей не обижать и в книгу без нужды не лезть», Маниша думала, что внутри будут понятные, по-человечески написанные рецепты: как отвар от изжоги сварить, как корову от сглаза отшептать или как бородавки свести. Этому её бабка с пелёнок учила, так что руны, травы и простые деревенские заговоры девчонка знала назубок.

Но фолиант оказался написан на таком заумном, заковыристом арканическом наречии, что глаза в кучу съезжались, а язык заплетался уже на третьем слове. — Так, смотрим ещё раз, — пробурчала Маниша, водя перепачканным пальцем по витиеватым строчкам, от которых слегка тянуло старой бумагой и грозой. — «Изгнание тварей земнородных из угодий благородных». Делов-то! Нам тут благородство ни к чему, нам бы редиску спасти. Дальше что? «Взять три щепоти праха лунного папоротника…»

Она задумчиво почесала веснушчатый нос. Где ж она в Бельгамии лунный папоротник возьмёт? Бабуля всегда говорила: если нужной травы под рукой нет — заменяй по смыслу, магия — она не дура, она намерение чует. Лунный папоротник — он серый, лёгкий и шуршит. Зола из печки — тоже серая и лёгкая. А для запаха можно сушёного укропчика сыпануть, чтоб кротам в носу защекотало.

Маниша щедро плеснула в начерченный палкой рунный круг золы из жестяной банки, сверху припорошила укропом и, набрав полную грудь раскалённого воздуха, торжественно выдала на свой лад:

— Кротус-пакостус, сгинь в болото, не трожь мою редиску, иди к Федоту!

На секунду над огородом повисла звенящая, ватная тишина. Даже комары замерли в воздухе, забыв жужжать. А потом укроп в кругу вспыхнул ядовито-фиолетовым пламенем.

— Ой, мамочки… — только и успела пискнуть Маниша,

отпрыгивая назад и падая прямо в колючий куст крыжовника.

Воздух с оглушительным треском, похожим на удар гигантского хлыста, разорвался прямо над грядкой. Полыхнуло так, что заслезились глаза, пахнуло озоном, грозой и почему-то дорогим жасминовым мылом. Из фиолетовой дыры в пространстве на помятую редиску плавно, словно опускающийся на воду лебедь, вывалилось нечто в тёмно-синем дорожном мундире, усыпанном серебряными пуговицами и множеством кармашков.

Дыра за спиной гостя с противным чмоканьем схлопнулась.

Маниша, забыв про колючки крыжовника, впившиеся в спину, вытаращила глаза. На её грядке сидел мальчишка. На вид — лет пятнадцати, не больше, ровесник местным пацанам, только какой-то весь нездешний. Худой и длинный, как жердь для фасоли, он казался сложенным из одних острых углов. Из-под дорожной фуражки выбивалась копна ярко-рыжих, почти огненных волос, которые на солнце горели не хуже маков, а из-под них торчали длинные, заострённые кончики ушей — ушастик, самый настоящий, сразу видно! На плече у него висела добротная, но совсем небольшая кожаная сумка, а в тонких бледных пальцах он судорожно сжимал туго свёрнутый пергамент.

Первые несколько секунд парень выглядел абсолютно потерянным. Его большие, пронзительно-зелёные глаза мета-

лись по сторонам с таким глубоким, первозданным офигеванием, словно он всю жизнь просидел в хрустальной башне и впервые увидел живого червяка. Он торопливо, едва ли не в панике ощупал себя — проверил, на месте ли нос, потрогал кончики острых ушей, затем выхватил из нагрудного кармана мундира сложный медный компас с тремя стрелками.

Стрелки бешено крутились, пока не замерли, указав куда-то в сторону покосившегося туалета. Мальчишка выдохнул, сверился со своим пергаментом, и ступор на его лице медленно сменился брезгливой гримасой. Он поднялся, отряхнул безупречные манжеты дорожного мундира, перевёл взгляд на раздавленную под его сапогом редиску и произнёс ледяным голосом, каким обычно оглашают смертные приговоры: — Юная леди. Смею заметить, что ваш магический контур выполнен с грубейшим нарушением тринадцати пунктов техники безопасности при межпространственных переходах. Кроме того, здесь чудовищно жарко, пахнет навозом и абсолютно антисанитарно.

Маниша вылезла из крыжовника, отряхивая подол сарафана. Шок от внезапного чуда стремительно сменялся праведным хозяйским гневом.

— Ты мне редиску помял! — возмутилась она, уперев руки в боки. — Я её с весны поливала, рыхлила, от гусениц берегла! И вообще, ты кто такой, ушастый? Откуда на мою голову свалился? Свои рыжие патлы по всему огороду раскидал!

Эльф выпрямился так, словно проглотил аршин, и с достоинством приподнял острый подбородок:

— Я — Габриэль Аурелиус Вальдемар Селестин де ла Вереск-и-Терн, племянник Властелина Эльфийского Доминиона и прямой наследник поста главного канцлера. А прибыл я сюда…

— Ой, всё, хватит, у меня от твоих титулов язык заплетается, — отмахнулась Маниша. — Будешь Габи. Или Ушастый — по настроению. Так чего тебе в моём огороде понадобилось, Габи? У меня из ценного только тяпка да три курицы.

— Я прибыл строго в рамках закона, — сухо отчеканил юный эльф, стараясь не смотреть на ползущую по лопуху мохнатую гусеницу. — Согласно параграфу сорок второму «Уложения о подготовке высших государственных чинов», будущий канцлер обязан пройти обязательную полевую практику среди низших рас для оценки их налогового потенциала и бытового уклада. Ваш… кхм… магический маяк показался мне наиболее подходящей точкой входа. Хотя теперь я фиксирую, что логистика здесь отвратительная.

Маниша похлопала ресницами, глядя на этого длинного, бледного «деда» в мундире, который на тридцатиградусной жаре даже не вспотел. Перегрелся парень, не иначе. Из богатого города сбежал, книжек умных обчитался, вот и несёт околесицу про параграфы.

Но договорить она не успела. Со стороны улицы в дере-

вянную калитку настойчиво застучали.

— Манишка! Открывай, паразитка! — раздался зычный, как иерихонская труба, бас толстухи Глаши с соседней улицы. — Знаю, что дома, дым из трубы видела! У меня кузнец опять к вдове лыжи навострил! Вари приворот, я тебе плату принесла! — И мне отвори, девка! — захрипел следом дед Петрович. — Поясницу так скрутило, ни разогнуться, ни пукнуть! Где бабкина мазь из жабьего жира?!

— И мне от кашля! — вклинился писклявый голосок кума Фёдора.

Маниша тяжело вздохнула, бросила быстрый взгляд на застывшего посреди грядки Габриэля — тот стоял с таким видом, будто попал в зверинец к диким троллям — и прикинула в уме расклад. Гости уже здесь, не прогонишь, а с пустыми руками из деревни уходить глупо. «Яйца в дороге пригодятся», — вдруг мелькнула в рыжей голове дельная, хозяйственная мысль. Да и баночка чего-нибудь вкусного не помешает.

— Стой тут и не отсвечивай, Ушастый! — шепнула она эльфу. — И уши под фуражку спрячь, а то бабы подумают, что я нечистую силу в огороде завела!

Маниша быстрым шагом направилась к калитке, на ходу вытирая руки о передник и напуская на себя самый деловой, степенный вид — точь-в-точь как у покойной бабки Агафьи. Едва она откинула щеколду, как в узкую щель тут же про-

тиснулись трое страждущих.

Первой ввалилась раскрасневшаяся от жары и ревности тётка Глаша, прижимая к пышной груди плетёную корзинку, накрытую чистым полотенцем.

— Ну наконец-то! — выдохнула Глаша, косясь в сторону огорода, где среди укропа торчала длинная, нелепая фигура в тёмно-синем мундире. — А это что за пугало у тебя в редиске стоит? Городской, что ли?

— Племянник троюродный из дальних краёв, — не моргнув глазом соврала Маниша. — Учёный, тихий, от жары немного чумной. Вы на него не глядите. Что принесли? — Вот, два десятка свежайших яиц, из-под лучших несушек! — Глаша торжественно сунула ей корзинку. — Сделай так, Манишка, чтобы мой кузнец на эту крашеную вдову глядеть не мог, чтоб у него при виде неё сразу икота начиналась!

Маниша заглянула под полотенце: яйца были крупные, белые, одно к одному.

«Отлично, — подумала она, — сварим вкрутую на дорожку, милое дело». Она сунула Глаше заранее заготовленный мешочек с сушёной ромашкой и полынью — вреда никакого, а пахнет солидно.

— Заваришь ему в квас перед ужином и трижды через левое плечо плюнешь. Деловто! Следующий!

Вперёд, кряхтя и держась за спину, выполз дед Петрович.

— Вот, девка, шмат сала копчёного и головка чесноку, — просипел старик, протягивая тугой свёрток в промасленной

бумаге. — Дай бабкину мазь, ради бога, кости ломит — мочи нет!

«Сало с чесноком! — возликовала про себя Маниша. — Да с таким запасом хоть до края света идти можно!» Она сбегала в сенцы, вынесла Петровичу горшочек с пахучей мазью на барсучьем жиру и мяте (эту штуку она ещё при бабушке научилась варить на совесть) и строго наказала:

— Натирать как спать ляжешь и шерстяным платком укутывать. Не боись, к утру как молодой поскачешь!

Последним проскользнул низенький, юркий кум Фёдор, робко протягивая пузатую стеклянную банку, в которой на солнце янтарём переливалось густое, ароматное варенье с целыми ягодами.

— Вот, Манишка, малиновое, прошлогоднее, на меду варил, — зачастил Фёдор. — Дай чего-нибудь от хрипоты, а то в груди свистит, хоть соловьём заливайся.

Маниша приняла драгоценную банку, сунула куму пучок сушёного чабреца и мать-и мачехи, велела пить с горячим молоком и ловко выпроводила всю честную компанию за калитку, накрепко задвинув засов.

— Приём окончен! — крикнула она вслед. — У меня до вечера санитарный день! Она повернулась, прижимая к себе корзинку с яйцами, свёрток с салом и банку малинового варенья, и с довольной ухмылкой посмотрела на Габриэля.

Эльф всё это время стоял неподвижно, как мраморная статуя в парке, и только его ярко-зелёные глаза расширились

ещё больше. Он переводил взгляд с закрытой калитки на трофеи в руках Маниши, и на его бледном лице отражалась сложная, мучительная работа мысли.

— Вы… вы только что осуществили незаконную врачебную и магическую практику без лицензии, — медленно выговорил он, словно не веря собственным глазам. — И приняли оплату в натуральной форме, уклонившись от уплаты подоходного налога! — Пошли в дом, налоговый инспектор, — фыркнула Маниша, направляясь к крыльцу. — Чай пить будем. А то у тебя такой вид, будто ты сейчас в обморок хлопнешься от ужаса.

Внутри старенькой избы было прохладно, тихо и уютно. Пахло сухими травами, свежей побелкой и топлёной печью. По стенам висели пучки зверобоя, мяты и пижмы, на широкой лавке в углу дремал рыжий кот, а в центре горницы стоял крепкий дубовый стол, застеленный расшитой скатертью.

Маниша по-хозяйски сгрузила добычу на стол, поставила пузатый медный чайник на ещё тёплые угли в печи, достала две глиняные кружки и откупорила банку с малиновым вареньем. По комнате тут же поплыл густой, сладкий летний аромат. Габриэль осторожно, двумя пальцами отодвинул табурет, осмотрел его на предмет заноз и только после этого присел на самый краешек, держа спину прямой, как струна. Он повесил свою небольшую кожаную сумку на спинку табурета, расстегнул латунную пряжку и, запустив руку внутрь чуть ли не по самое плечо, вытащил оттуда огромный, пуза-

тый фолиант в кожаном переплёте толщиной в добрую четверть и длиннющий тубус с картами. Ни один из этих предметов физически не мог поместиться в такую скромную на вид сумочку.

У Маниши аж дух перехватило. Бабушкин дар внутри неё отозвался тихим, тёплым покалыванием на кончиках пальцев — она ясно почуяла плотную, добротную магию пространства, вплетённую в швы этой сумки. «Вот это вещь! — восхищённо подумала девчонка. — Туда ж пол избы засунуть можно!»

Габриэль тем временем с подозрением покосился на глиняную кружку с ароматным травяным чаем и на блюдце с янтарным вареньем.

— Потребление сахара в неизвестных санитарных условиях крайне нерационально, — пробормотал он, но, уловив медово-малиновый запах, всё же осторожно зачерпнул варенье деревянной ложкой. Зелёные глаза эльфа на миг дрогнули, а острые уши слегка опустились. — Хм. Весьма… сбалансированная рецептура.

— То-то же, кум Фёдор плохого не сварит, — усмехнулась Маниша, подпирая щёку кулаком и с живым интересом разглядывая своего неожиданного гостя. — Ну, рассказывай начистоту, Габи. Только без своих параграфов. Ты же не на практику сюда явился, верно? У тебя на лбу написано: сбежал. От кого драпаешь-то, ушастый? Габриэль замер с ложкой в руке. Несколько секунд он молчал, сверля Манишу тя-

жёлым, изучающим взглядом, потом тяжело вздохнул — совсем по-стариковски — и аккуратно положил ложку на край блюдца.

— Юридически я безупречен, — сухо начал он, поправляя манжет мундира. — Параграф сорок второй действительно существует. Но… если говорить неформально, мой дядя, Властелин Доминиона, расписал мою жизнь на ближайшие триста лет. По минутам. Утром — теория налогообложения, днём — этикет дипломатических приёмов, вечером — фехтование и каллиграфия. Ни одного незапланированного события. Ни одного отклонения от регламента. Я подсчитал: с точки зрения статистики, моя жизнь закончилась, толком не начавшись.

Маниша слушала его, и её веснушчатое лицо постепенно менялось. Озорная улыбка сползла с губ, уступив место тихому, глубокому пониманию. Она обвела взглядом низкий потолок избы, связки трав по углам и толстый бабушкин гримуар, лежащий на краю стола.

— Знаешь, Ушастый, — тихо сказала она, помешивая ложечкой остывающий чай, — а ведь у нас с тобой одна беда на двоих. Только у тебя — дядя с расписанием, а у меня — вся Бельгамия.

Габриэль недоумённо приподнял тонкую рыжую бровь.

— Поясните.

— А чего тут пояснять? — Маниша махнула рукой в сторону окна, за которым в пыли купались воробьи. — Бабуля

моя всю жизнь тут сидела. Сначала прабабку досматривала, потом людей лечила. И меня с пелёнок учила: это от живота, это от сглаза, это от коровьей хвори. А месяц назад ушла бабуля, силу мне свою передала и книгу вот эту оставила. Только я в ней ни бельмеса не понимаю! Меня на большую магию тянет, Габи, понимаешь? Мне мир посмотреть охота — какой он за нашим бором! Есть ли там горы до неба, правда ли море солёное, водятся ли в пещерах драконы… А вместо этого я до самой старости буду тётке Глаше привороты на кузнеца варить да от кротов грядки заговаривать!

Она замолчала, глядя на эльфа блестящими, полными решимости глазами, и вдруг хлопнула ладонью по столу так, что звякнули кружки. — А знаешь что? Не бывать этому!

Габриэль насторожился, инстинктивно отодвигаясь вместе со своим табуретом на пару дюймов назад.

— Мне не нравится тон вашего заявления, юная жрица. В нём слышится полное пренебрежение к планированию.

— Да какое планирование, Габи?! — Маниша вскочила со скамьи, и её рыжие косички задорно подпрыгнули. — Судьба нас с тобой сама в кучу свела! Тебе нужна полевая практика и незапланированные события? Получай! Мне нужен проводник, который умеет читать по-арканически и знает, где на карте север, а где юг? Вот он ты, сидишь передо мной! Мы сбегаем! Прямо сейчас!

У будущего канцлера Эльфийского Доминиона отвисла

челюсть. На пару секунд вся его хвалёная бюрократическая выдержка испарилась, уступив место чистому, незамутнённому ужасу.

— Сбегаем?! — переспросил он, срываясь на фальцет, и тут же откашлялся, возвращая голосу ледяную строгость. — Это абсолютно исключено! У меня не составлена дорожная карта! Не рассчитан провиант! Не проведена оценка рисков! Кроме того, за мной могут отправить ищеек канцелярии, а за вами, как я полагаю, погонятся эти… нелицензированные пациенты!

— Не догонят! — весело отрезала Маниша, уже метаясь по горнице как рыжая молния. — Провиант у нас уже есть — яйца, сало, чеснок и варенье кума Фёдора! А тащить всё это будем в твоей безразмерной сумке! Я видела, как ты оттуда тубус достал, не отпирайся!

Она сграбастала со стола бабушкин гримуар, накинула на плечи тёплую вязаную шаль и, не спрашивая разрешения, распахнула кожаную сумку, висевшую на спинке табурета Габриэля.

Эльф вскочил как ужаленный, и его острые уши поползли вверх. Сумка действительно была зачарована на безразмерность — внутри, словно на полках идеальной библиотеки, в строгом алфавитном порядке лежали древние свитки, пузырьки с эликсирами и запасные белоснежные сорочки.

— Это собственность канцелярии Доминиона! — трагическим шёпотом произнёс Габриэль, когда Маниша с разма-

ху закинула в недра сумки банку с вареньем, корзинку с яйцами и свёрток с салом.

— В хозяйстве сгодится, — отрезала она, отправляя следом пучок сушёного укропа, буханку чёрного хлеба, тёплые шерстяные носки и любимую чугунную сковородку. — Ох, до чего же удобная вещь! Бабуля бы оценила.

Снаружи, со стороны улицы, вдруг раздался пронзительный свист и зычный крик деревенского старосты:

— Манишка! Открывай сейчас же! Три дня печь топишь, а подать за дым из трубы в казну не уплачена! Я с приставом пришёл, опись имущества делать будем! — Дёру! — скомандовала Маниша, распахивая створку заднего окна, выходящего прямо в густой малинник за огородом. — А то сейчас твой параграф сорок второй на налог за дым пересчитают!

Через пять минут они уже бежали по пыльной тропинке, уводящей прочь от деревни, под сень прохладного соснового бора. Солнце всё так же жарило, комары всё так же звенели, но Маниша смеялась во весь голос, чувствуя, как ветер треплет её рыжие волосы. Свобода! Настоящая, огромная, пахнущая хвоей и приключениями! Она обернулась, чтобы подбодрить нового спутника, и притормозила.

Габриэль стоял посреди тропы, сжимая в руках ремень своей безнадёжно осквернённой сумки, откуда аппетитно пахло копчёным салом, чесноком и малиновым вареньем. На его безупречной дорожной фуражке красовался сухой репейник, лицо было белее мела, а левый зелёный глаз мел-

ко-мелко дёргался.

— Я зафиксировал двадцать четыре нарушения устава за последние десять минут, — ледяным, звенящим от сдерживаемого ужаса голосом произнёс будущий канцлер Эльфийского Доминиона. — И если мы немедленно не остановимся на привал, чтобы я переписал опись имущества и составил график передвижения, я… я подам на вас в Верховный суд!

Маниша широко улыбнулась, поправила сбившуюся шаль и бодро махнула рукой в сторону видневшейся впереди лесной развилки:

— Валяй, Габи! Прямо на ходу и пиши. Вон, гляди, какие там кусты красивые — нам точно туда!

Глава 2. Инвентаризация катастрофы и развилка трёх абсурдов

Пульс в височных артериях Габриэля Аурелиуса Вальдемара Селестина де ла Верески-Терна стучал со скоростью сто сорок два удара в минуту. Это было категорическим, вопиющим нарушением всех медицинских нормативов, установленных Службой здравоохранения Эльфийского Доминиона для лиц пятнадцатилетнего возраста в состоянии умеренной физической нагрузки.

Впрочем, назвать бегство по пересечённой лесной местности «умеренной нагрузкой» мог бы только человек с полностью атрофированным инстинктом самосохранения.

Например, идущая впереди девица.

Габриэль остановился, уперся ладонью в шершавый, источающий терпкую смолу ствол вековой сосны и с трудом перевёл дух. Лёгкие горели так, словно он только что сдал нормативы по кроссу в Академии государственных служащих, причём в парадном обмундировании.

Осмотрев себя, эльф тихо простонал. Полевая практика будущего главного канцлера началась ровно два часа назад, а казённый тёмно-синий мундир уже выглядел так, будто пе-

режил осаду. На левом рукаве красовалась длинная белёсая царапина от колючего кустарника — местная флора, именуемая «малинником», проявила к имуществу Доминиона откровенную враждебность. Одна из серебряных пуговиц висела на честном слове. Форменная фуражка съехала на затылок, а в рыжих волосах запуталась сухая хвоя.

— Эй, Габи, ты чего там к дереву прилип? — раздался звонкий, совершенно не запыхавшийся голос. — Пошли давай, тут до опушки рукой подать!

Маниша стояла шагах в десяти впереди. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь плотные кроны сосен, золотили её растрёпанные рыжие косички и делали веснушки на носу ещё ярче. Она бодро жевала какую-то травинку, притопывая босой — или почти босой, в каких-то немыслимых стоптанных башмаках — ногой по мягкому ковру из иголок. Вид у неё был такой, словно они только что вышли на приятную воскресную прогулку, а не скрылись от вооружённого представителя местной муниципальной власти, требовавшего абсурдную «пошлину на дым».

— Юная жрица, — произнёс Габриэль, тщательно выговаривая каждое слово, чтобы скрыть одышку, и поправляя фуражку двумя пальцами. — Согласно базовым принципам полевой логистики, форсированный марш без предварительной оценки ущерба, ревизии провианта и сверки с картографическими данными является прямым путём к летальному исходу. Я требую немедленного привала. Прямо здесь.

— Да делов-то! — Маниша махнула рукой и легко подскочила обратно к нему. — Нашёл место — вон, погляди, пенёк какой справный, мхом порос, мягкий, как перина!

Садись давай, Ушастый, а то ты бледный стал, как поганка после дождика.

— Моя бледность является естественной пигментацией аристократической ветви рода де ла Вереск-и-Терн, а не признаком грибковой интоксикации, — сухо парировал Габриэль, но к поваленному, густо заросшему изумрудным мхом стволу всё же подошёл.

Прежде чем сесть, он извлёк из нагрудного кармана идеально выглаженный батистовый платок, расстелил его на мху и только после этого опустился на импровизированное сиденье, аккуратно расправив полы мундира.

— Ой, гляди, да тебя ж малина подрала! — Маниша бесцеремонно наклонилась к нему, бесстрашно вторгаясь в его личное пространство, дистанция которого по этикету Доминиона должна была составлять не менее полутора аршин.

— Прошу соблюдать субординацию и дистанцию! — Габриэль дёрнулся, но было поздно.

Тёплые, пахнущие укропом, дымом и свежей землёй пальцы девчонки уже схватили его за кисть. Прежде чем эльф успел процитировать статью о недопустимости несанкционированного тактильного контакта, Маниша достала из кармана своего пестрого сарафана крошечный пучок каких-то серебристых листьев, быстро растёрла их между ладоня-

ми, тихо пробормотала себе под нос: «Шершень-брысь, комар-лети, с эльфа царапина сойди», — и приложила зелёную кашицу прямо к ссадине на его щеке и на тыльной стороне ладони.

Габриэль замер, готовясь к анафилактическому шоку, сепсису или как минимум химическому ожогу. Но вместо этого по коже разлилось приятное, прохладное покалывание. Зуд мгновенно исчез, а тонкая красная полоска от шипа затянулась прямо на глазах, оставив лишь лёгкий аромат мяты и полыни.

— Это… это противоречит фармакопее, — растерянно моргнул Габриэль, ощупывая абсолютно гладкую кожу. — Вы не провели стерилизацию раневой поверхности! Вы использовали несертифицированный растительный субстрат без точной дозировки! — Бабуля бы сказала: меньше бубни, больше дыши, — усмехнулась Маниша, вытирая зелёные пальцы о подол юбки, и присела на корточки прямо перед ним, подперев подбородок кулаками. Глаза её заблестели тем самым опасным азартом, который Габриэль уже успел возненавидеть за последние два часа. — Слушай, Габи, а ты вот из этих… из эльфов, которые в большом мире живут, да? Где дороги мощёные и дома до неба?

— Эльфийский Доминион является высокоразвитым государством с безупречной инфраструктурой, — с достоинством подтвердил юноша. — Мощёные тракты первого класса соединяют все сорок две провинции.

— Ух ты… — Маниша мечтательно выдохнула, глядя куда-то сквозь верхушки сосен. — Сколько стран, сколько миров… А я вот в своей Бельгамии только огород да лес видела. Правда, я где-то слышала — то ли от заезжего коробейника, то ли в старых байках бабки Агафьи, — что далеко-далеко на юге есть море розовое. Прямо как кисель малиновый, представляешь? И на дне у него растут невероятные жемчужные кораллы, которые в темноте светятся. А на берег волнами выносит всякие диковинки — диковинные камни, гладкие такие, тёплые, будто живые внутри.

Габриэль, который как раз тянулся к застёжке своей дорожной сумки, замер. Скептическая складка между его рыжими бровями разгладилась, уступив место привычной лекторской снисходительности.

— Во-первых, географическая неточность, — поправил он. — Акватория Кораллового залива имеет розоватый оттенок исключительно в период весеннего цветения микроскопических планктонных водорослей Rubra luminis. Никакого отношения к ягодным десертам данное явление не имеет. Во-вторых, то, что вы именуете «диковинными камнями», в официальной минералогии и арканистике классифицируется как кристаллы души. Это редчайшие природные накопители эманаций, формирующиеся на стыке тектонических разломов под давлением океанических толщ. Свободный оборот данных артефактов на территории Доминиона строго лицензируется.

Маниша слушала его, приоткрыв рот, и в её зелёных глазах отражалось неподдельное восхищение, от которого у Габриэля почему-то слегка потеплело в районе грудной клетки.

— Кристаллы души… — повторила она шёпотом, пробуя слова на вкус. — Красиво как. Вот бы хоть одним глазком глянуть. В руках подержать. А то у нас в деревне из всех диковинок — только деда Петровича радикулит да Старостина жадность.

Она хихикнула, но смех её быстро оборвался. Маниша вдруг подобрала с земли сухую сосновую шишку и принялась сосредоточенно ковырять её ногтем.

Габриэль проследил за сменой её настроения с внимательностью опытного аналитика. Девушка вела себя как классический экстраверт-авантюрист, но за её бравадой явно скрывался какой-то неразрешённый юридический или семейный конфликт.

— Кстати, о родственниках, — осторожно начал эльф, расстёгивая наконец латунную пряжку своей сумки. — В вашей избе я заметил отсутствие иных проживающих лиц. Насколько я могу судить, вы ведёте хозяйство единолично. Позвольте уточнить ваш социальный статус для путевого реестра: вы являетесь круглой сиротой?

Маниша пожала плечами, не поднимая глаз от шишки.

— Да не, не совсем сирота. Бабушка Агафья у меня померла недавно. Она меня и вырастила. А родители… родители у меня есть. Где-то там, в другой волости живут. Про-

сто так получилось, что когда мне шесть лет стукнуло, мамка вторым ребёнком ходила. Тяжело ей было справляться, спина болела, хозяйство большое, а я… ну, ты сам видишь. Я всегда такой была — громкой, шумной, вечно куда-нибудь вляпаюсь. То в колодец загляну так, что еле за пятки вытянут, то петуха в зелёнку выкрашу. Вот родители и решили, что у бабушки на хуторе мне сподручнее будет. Отдали меня ей, вроде как на время, да так и оставили.

Габриэль нахмурился. С точки зрения Семейного кодекса Доминиона подобная передача опекунских прав без нотариального оформления была вопиющим нарушением, но сейчас его зацепило другое.

— И с тех пор вы не поддерживаете корреспонденцию? — уточнил он тише, чем обычно.

— Не-а, — Маниша швырнула общипанную шишку в кусты и снова подняла на него взгляд, в котором уже не было грусти — только упрямая решимость. — Мы с ними, ну, типа не общаемся. У них своя жизнь, братишка или сестрёнка там выросли, свои заботы. Да и мне не до обид, Габи. Мне позарез нужно в Центральный город попасть. Рука Габриэля, уже погрузившаяся в безразмерное нутро сумки, резко остановилась. — Куда вы сказали? — переспросил он. — В Центральный город? Столичный торговый узел на пересечении Большого тракта?

— Ага! — кивнула Маниша и полезла за пазуху своего

сарафана. Спустя секунду она вытянула на свет тонкий кожаный шнурок, на котором висел потемневший от времени серебряный медальон размером с крупную сливу, покрытый тончайшей, почти стёртой вязью. — Вот. Бабушка перед смертью отдала. Сказала: как прижмёт, иди в Центральный город, в контору нотариуса или в гильдию — там, мол, по этому медальону можно моё наследство от дедушки оформить.

— Позвольте уточнить генеалогическую цепочку, — Габриэль прищурился, пытаясь разобрать гравировку на медальоне. — Если это наследство вашего дедушки, почему оно не было взыскано вашей бабушкой в установленные законом сроки?

— Ой, там всё так напутано, сам леший ногу сломит! — махнула рукой девчонка. — Бабушка с дедушкой ещё в молодости разругались в пух и прах. Из-за чего — никто толком не помнит, вроде дед хотел в столицу перебраться и наукой заниматься, а бабушка сказала, что без родной земли у неё сила усохнет. А потом бабушке вообще пришлось срочно уехать в глушь и заниматься делами своей прабабушки — какой-то там древний долг по магической линии разгребать. В общем, разъехались они, гордые оба были, жуть. Дед в Центральном городе осел, разбогател вроде, но никого кроме бабушки в наследники не вписал. А без этого медальона и без подтверждения рода никто мне ничего не отдаст.

Габриэль медленно выдохнул и посмотрел на небо сквозь

сосновые ветви. Вероятность того, что случайный пространственный прокол, открытый деревенской травницей с помощью укропа и печной золы, приведёт его к спутнице, чей маршрут до сантиметра совпадает с его собственным, составляла примерно один к четырём миллионам семистам тысячам.

— Поразительное статистическое совпадение, — пробормотал эльф. — Согласно

Параграфу сорок второму Кодекса о полевой практике, я обязан явиться именно в Центральный город до начала Осенней ярмарки, чтобы заверить путевой лист в представительстве Канцелярии и подтвердить прохождение автономного маршрута. — Во! Значит, нам по пути! — обрадовалась Маниша и хлопнула в ладоши. — Вдвоём то веселее! Ты будешь умные слова говорить, а я — кашу варить.

— Прежде чем мы обсудим распределение бытовых обязанностей, — мрачно произнёс Габриэль, — мне необходимо провести полную санитарную ревизию моего служебного инвентаря. То, что вы совершили в своей избе перед эвакуацией, иначе как актом диверсии назвать нельзя.

Он распахнул горловину безразмерной сумки Канцелярии Доминиона и заглянул внутрь.

То, что открылось его взору, заставило будущего канцлера закрыть глаза и досчитать до десяти.

До встречи с Манишей внутреннее пространство сумки представляло собой образец идеального эльфийского по-

рядка. Все предметы располагались в строгом соответствии с алфавитным каталогом, весовой категорией и степенью хрупкости. Справа — кожаные тубусы с картографическими свитками, слева — свод законов в тисненом переплёте, в отдельном герметичном отсеке — запасные накрахмаленные воротнички и аптечка.

Сейчас внутри царил первозданный хаос.

Первым на свет божий, на расстеленный запасной платок, был извлечён увесистый предмет, от которого у Габриэля дёрнулся левый глаз.

— Чугунная сковорода, — произнёс он ледяным тоном, глядя на чёрный прокопчённый круг с деревянной ручкой. — Юная жрица, объясните мне, пожалуйста, логику помещения четырёхкилограммового куска литого чугуна непосредственно поверх тубуса с «Уложением о дорожных пошлинах»?!

— Так она ж в хозяйстве сгодится! — ничуть не смутилась Маниша. — А куда её ещё класть? В руках тащить тяжело, а у тебя сумка вон какая вместительная, хоть телегу загоняй!

Габриэль промолчал, опасаясь сорваться на крик, и продолжил эксгумацию.

Следом из сумки появились:

•

Две вязаные шерстяные пары носков, пахнущие овчиной и сушёными травами, которые уютно свернулись калачиком прямо на серебряном футляре для печатей.

•

Пучок сушёного укропа, раскрошившийся по всему дну и придавший эльфийским архивам стойкий аромат рассола.

•

Трёхлитровая стеклянная банка с густым малиновым вареньем на меду, чудом не треснувшая при столкновении со сковородкой.

•

Плетёная корзинка с двумя десятками куриных яиц. При виде их Габриэль побледнел ещё сильнее — мысль о возможном белковом загрязнении редких манускриптов и угрозе сальмонеллёза вызвала у него лёгкое головокружение.

•

Вязанка ядрёного чеснока, чей запах окончательно уничтожил тонкий аромат эльфийского сандала, которым пропитывали казённые сумки.

•

Буханка чёрного ржаного хлеба.

•

И, наконец, шмат копчёного сала, завёрнутый в обычную холщовую тряпицу. Габриэль с ужасом поднял свиток с дорожными правилами. На нижнем краю древнего пергамента расплывалось тёмное, лоснящееся жировое пятно.

— Это… это вандализм, — прошептал эльф, бережно промакивая пергамент чистой салфеткой. — Исторический документ третьей категории сохранности осквернён продук-

тами животноводства!

— Ой, да подумаешь, жиром капнуло! — фыркнула Маниша, уже вовсю орудуя складным ножиком. Она ловко отрезала толстый ломоть чёрного хлеба, уложила сверху пласт розового, с прожилками мяса, копчёного сала, очистила зубчик чеснока и протянула это сооружение Габриэлю. — На вот, пожуй. Сразу полегчает. А то у тебя лицо такое, будто ты лимон целиком проглотил.

Габриэль отшатнулся от протянутого бутерброда так, словно ему предложили отведать мышьяка.

— Благодарю, но я вынужден отказаться. Употребление высококалорийной жирной пищи без предварительной термической обработки в полевых условиях провоцирует застой желчи и резкое снижение когнитивных способностей. К тому же мои руки не прошли дезинфекцию.

В этот самый момент желудок будущего главного канцлера Доминиона издал протяжный, громогласный и совершенно не аристократический урчащий звук. Маниша прыснула со смеху, прикрыв рот ладошкой. Уши Габриэля мгновенно вспыхнули густым пунцовым румянцем.

— Слыхал? — рассмеялась она. — Живот твой про твою кагни… когнети… короче, про умные слова не знает. Он сала просит!

— Исключительно в целях поддержания энергетического баланса организма, — сквозь зубы процедил Габриэль.

Он достал из аптечки спиртовую салфетку, методично

протёр каждый палец, после чего двумя кончиками пальцев принял от Маниши только самую маленькую, чистую горбушку чёрного хлеба, категорически отвергнув сало и чеснок. Но, вопреки его ожиданиям, хлеб оказался удивительно вкусным — мягким внутри, с хрустящей тминной корочкой.

Жуя хлеб, Габриэль окинул взглядом поляну: расстеленные свитки, чугунную сковородку рядом с яйцами, смеющуюся босоногую девчонку и собственный медный компас, стрелка которого продолжала бестолково крутиться волчком из-за остаточного магического фона, исходящего от тяжеленного бабушкиного гримуара, лежавшего на краю мшистого ствола.

Канцелярские инструкции здесь не работали. Законы Доминиона в Бельгамии не имели юридической силы. Чтобы выжить в этом хаотичном, непредсказуемом мире и добраться до Центрального города в здравом уме, ему требовался новый свод правил.

Габриэль отложил недоеденный хлеб, вытер руки, потянулся в сумку и извлёк оттуда толстую тетрадь в тёмно-зелёном кожаном переплёте, предназначенную для путевых отчётов, а также самозаправляющееся серебряное перо.

Он устроил тетрадь на колене, щёлкнул колпачком пера и аккуратным, каллиграфическим почерком вывел на первой странице заголовок:

«ПОСОБИЕ ПО ВЫЖИВАНИЮ ДЛЯ ЭЛЬФОВ»

(Методические рекомендации по сохранению жизни, рассудка и казённого имущества в условиях критического дефицита логики и избытка дикой магии).

Ниже он поставил цифру «1» и начал быстро писать:

«Правило № 1. Никогда и ни при каких обстоятельствах не доверяйте укладку пространственного инвентаря сельским жрицам. Вероятность того, что четырёхкилограммовый чугун окажется поверх редких манускриптов в окружении сырых куриных яиц, составляет сто процентов.

Правило № 2. При появлении местных представителей муниципальной власти с абсурдными фискальными претензиями (например, "налог на дым") следует немедленно покинуть помещение через ближайшее оконное отверстие, не вступая в юридическую полемику.

Правило № 3. Всегда имейте при себе запас дезинфицирующих средств и соблюдайте санитарную дистанцию не менее полутора метров от лиц, употребляющих чеснок». — Чего это ты там строчишь? — Маниша бесшумно подобралась сбоку и заглянула ему через плечо, уперев руки в колени. Её рыжая косичка щекотнула Габриэля по щеке. — «Пособие… для… »? Ой, гляди-ка, сам признался!

Она пробежала глазами по строчкам, весело хмыкнула и ткнула пальцем в нижний край страницы.

— Ты там четвёртым пунктом допиши, Габи: «Без куска сала и доброй компании в лесу ноги не идут, а от умных слов в животе только ветер гуляет». И вообще, хорош писать, со-

бирайся давай! Вон, солнышко уже к полудню клонится, а нам ещё до развилки дойти надо!

Габриэль молча посмотрел на девчонку, затем на своё перо и, тяжело вздохнув, действительно поставил цифру «4», оставив строчку пока пустой. Чувство подсказывало ему, что этот пункт заполнится сам собой в самые ближайшие полчаса.

Процесс обратной упаковки сумки Канцелярии Доминиона занял ровно восемнадцать минут и сорок секунд. Габриэль засёк время по карманному хронометру, потому что любая операция без временного регламента превращается в балаган.

— Итак, фиксирую новый порядок размещения грузов, — произнёс эльф строгим лекторским тоном, стоя на коленях перед раскрытой горловиной сумки. — Пространственный карман разделён мной на три изолированных сектора. Левый фланг — «Казённый архив». Сюда помещаются тубусы, свод законов, запасные воротнички и моё путевое пособие. Доступ посторонним лицам категорически воспрещён.

— Ага, понял, не дышу, — кивнула Маниша, сидя на поваленном стволе и болтая ногами в воздухе. Она уже успела сплести венок из каких-то мелких лесных фиалок и теперь водрузила его прямо поверх своих растрёпанных рыжих косичек, отчего стала похожа на лесную кикимору на выданье.

— Правый фланг, — продолжил Габриэль, брезгливо беря

двумя пальцами вязанку чеснока и опуская её в самый дальний угол, — объявляется «Гастрономически хозяйственным карантином». Сюда отправляются сало, хлеб, банка с вареньем, яйца и ваш… чугунный инвентарь. В качестве буферной прослойки между продуктами и канцелярией я использую ваши шерстяные носки. Они обладают достаточной плотностью и в случае разгерметизации тары с вареньем примут удар на себя. — Эй! — возмутилась Маниша. — Ты мои носки в варенье не макай! Они ручной вязки, бабушка на зиму делала, чтоб пятки не зябли!

— Согласно принципам распределения рисков, сохранность государственных документов имеет абсолютный приоритет перед целостностью трикотажных изделий, — невозмутимо ответил Габриэль и потянулся к последнему предмету, оставшемуся на мшистом стволе.

Это был бабушкин гримуар.

Огромный, тяжёлый фолиант в переплёте из тёмной, потрескавшейся от времени кожи с позеленевшими медными уголками лежал на мху, словно спящий зверь. Даже сейчас, в закрытом виде, от него исходило лёгкое, едва заметное глазу марево, от которого воздух вокруг слегка дрожал, а стрелка медного компаса на поясе Габриэля судорожно подёргивалась, как хвост рассерженного кота.

Габриэль надел тонкие перчатки для работы с архивами и осторожно приоткрыл тяжёлую крышку переплёта.

На пожелтевших пергаментных страницах вились слож-

ные, многослойные рунические вязи Высокого Арканического наречия — языка древних магов-архитекторов, на котором в Эльфийском Доминионе пишутся только фундаментальные законы мироздания и протоколы заседаний Высшего Совета.

Но прямо поверх этих величественных, выверенных до миллиметра рун, на полях и между строк, прыгали кривые, размашистые записи, сделанные обычным графитовым карандашом и местами — угольком из печки.

Габриэль прищурился, вчитываясь в верхний абзац, и его брови медленно поползли вверх, скрываясь под козырьком фуражки.

— Юная жрица… — голос эльфа задрожал от профессионального ужаса. — Что это за варварская транскрипция на странице сорок восемь?!

— А? Где? — Маниша спрыгнула со ствола и заглянула в книгу. — А, это! Это заговор от кротов и медведки. Ну, тот самый, с которого ты у меня в грядке вывалился. Там же по-вашему написано: «Игнис-порталис-терра-клиренс». Ну я и перевела как слышится:

«Огнём-по-тазу-тёрла-клистир»! А чего? Звучит складно!

Габриэль закрыл лицо ладонью. Он почувствовал, как к вискам снова подступает глухая пульсирующая боль.

— «Игнис-порталис-терра-клиренс» — это формула локального пространственного смещения с термическим ста-

билизатором! — простонал он, схватившись за переносицу. — Это заклинание четвёртого круга для мгновенной транспортировки грузов между портами Доминиона! Вы не «изгоняли кротов», Маниша! Вы насыпали в огород печной золы в качестве катализатора углерода, добавили укроп как эфирный проводник и пробили брешь в ткани пространства прямо над моим купе в трансграничном дилижансе! Меня выдернуло из-под носа у проводника вместе с багажом!

— Ой, да ладно тебе, — ничуть не раскаялась девчонка, поправляя венок из фиалок. — Зато смотри, как удачно вышло! И ты от своих скучных бумажек сбежал, и мне в дороге не скучно. Да и вообще, бабушка говорила, что главное в магии — не буквы знать, а душой чувствовать, куда силу направить. Ну, подумаешь, чуток промахнулась с огородом… С кем не бывает!

Габриэль с тяжким вздохом захлопнул гримуар. Спорить с человеком, который переводит древнеарканический на слух, руководствуясь рифмой и огородной интуицией, было так же бессмысленно, как пытаться оштрафовать грозовую тучу за нарушение общественного порядка.

Он аккуратно опустил фолиант в центральный, нейтральный отсек сумки — подальше от яиц, но так, чтобы его магический фон не глушил компас, — и затянул ремни. — Всякий раз, когда вы открываете эту книгу, — мрачно предупредил эльф, закидывая ремень сумки через плечо, — прошу заблаговременно уведомлять меня за пять минут, чтобы

я успел занять позицию в укрытии. А теперь выдвигаемся. Мы потеряли двадцать три минуты драгоценного светового дня.

Тропа повела их дальше сквозь сосновый бор. Солнце поднялось выше, прогревая хвойную подстилку, и воздух наполнился густым, сладковатым запахом разогретой смолы, брусничника и нагретой коры. Где-то высоко в кронах перестукивался дятел, а под ногами мягко пружинил слой старых иголок.

Габриэль шагал с прямой, как линейка, спиной, стараясь держать ритм — ровно сто десять шагов в минуту, оптимальный темп для длительных пеших переходов. Маниша же двигалась по совершенно непредсказуемой траектории: она то убегала вперёд, заглядывая под каждый папоротник в поисках грибов, то отставала, чтобы поболтать с пробегающей мимо белкой, то вдруг начинала кружиться на месте, подставляя лицо солнечным зайчикам.

— Нерациональный расход калорий, — бормотал себе под нос эльф, фиксируя её перемещения. — Зигзагообразная траектория увеличивает пройденную дистанцию минимум на тридцать пять процентов…

— Ой, Габи, гляди, земляника ещё осталась! Поздняя, сладкая! — крикнула Маниша откуда-то сбоку, ныряя в густой папоротник. — Иди сюда, попробуй!

— Употребление немытых дикорастущих ягод в условиях отсутствия проточной воды… — начал было Габриэль,

но осекся, потому что в этот момент сосны расступились, и тропа вывела их на широкую, залитую солнцем опушку.

Перед ними лежала развилка трёх дорог.

Посреди перекрёстка стоял старый, покосившийся от времени деревянный столб. Когда-то на нём, судя по ржавым гвоздям и обломкам дощечек, были прибиты указатели, но ветер, дожди и время давно уничтожили все надписи. От столба в разные стороны расходились три пути: левый, средний и правый.

Габриэль почувствовал прилив истинного, почти вдохновенного энтузиазма. Наконец-то перед ним стояла задача, требующая интеллекта, аналитики и применения научных методов!

— Стоп, — скомандовал он, поднимая руку. — Проводим топографическую разведку. Он отстегнул от пояса медный компас. Стрелка, избавившись от близкого соседства с бабушкиным гримуаром, пару раз качнулась и уверенно замерла, указывая на север. Габриэль достал из сумки пергаментную карту сопредельных территорий (ту самую, с лёгким ароматом укропа, но, к счастью, без жирных пятен), развернул её прямо на плоском валуне у обочины и принялся сверять азимут, положение солнца и рельеф местности.

— Итак, проведём сравнительный анализ, — заговорил он, присев на корточки возле каждой из трёх дорог и внимательно изучая грунт. — Вариант первый: левая тропа.

Уходит резко на северо-запад, грунт переувлажнён, наблюдается обилие осоки и багульника. Высокая вероятность выхода к заболоченной низине. Исключаем сразу. Маниша подошла ближе, жуя горсть красной лесной земляники, и с интересом уставилась на его манипуляции.

— Вариант второй: центральная дорога, — продолжил Габриэль, торжествующе указывая пальцем на широкую, наезженную колею, уходящую прямо на восток. — Обратите внимание на ширину колеи: стандартные полтора аршина, характерные для купеческих телег. Грунт плотный, укатанный, минимальное количество корневищ. Направление строго совпадает с азимутом на Большой торговый тракт, ведущий к Центральному городу. Согласно всем законам картографии и транспортной логистики, мы обязаны выбрать центральную дорогу.

Он сложил карту, убрал компас в футляр и удовлетворённо посмотрел на спутницу, ожидая заслуженного признания своего аналитического гения.

Маниша проглотила ягоды, вытерла рот тыльной стороной ладони, прищурилась и посмотрела направо.

Там, в стороне от широкой центральной колеи, в густые, почти непроходимые заросли дикого шиповника, лещины и цветущего вереска ныряла узкая, едва заметная звериная тропка.

— Не-а, — уверенно заявила Маниша. — Мы пойдём направо.

Габриэль моргнул. Сначала левым глазом, потом правым.

— Простите, я, вероятно, ослышался из-за шума ветра в кронах, — произнёс он ледяным тоном. — Вы предлагаете отклониться от магистрального направления и углубиться в немаркированный лесной массив? На каком, позвольте узнать, основании? Там отсутствует дорожное покрытие, нет следов гужевого транспорта и критически высок риск встречи с агрессивной фауной!

— Да ты погляди на свою центральную дорогу, Габи! — фыркнула девчонка, уперев руки в бока. — Пылища, колея глубокая, ни одного деревца по краям — солнце печёт, как на сковородке! И скучно там, как на собрании у нашего старосты. А направо посмотри: там кусты красивые! Шиповник вон какой румяный, орешник густой, тенёк, птички поют, и грибами пахнет — вон, аж в носу щекочет!

Габриэль застыл. Его мозг, привыкший оперировать категориями «пропускная способность тракта», «угол наклона рельефа» и «расчётное время прибытия», попытался обработать полученный аргумент и выдал системную ошибку.

— «Кусты красивые»?! — повторил он, чувствуя, как голос предательски срывается на фальцет. — Юная жрица, вы отдаёте себе отчёт в том, что эстетическая привлекательность дикорастущего кустарника не является навигационным ориентиром?! Мы не можем строить маршрут к Центральному городу, руководствуясь ботанической симпатией! По центральной дороге мы выйдем к тракту через четыре

часа! По вашей тропе мы можем блуждать трое суток!

— А мы никуда не опаздываем, ярмарка только через две недели, — беспечно пожала плечами Маниша. — Зато по тенёчку пройдёмся, шиповника на чай наберём, а может, и белый гриб найдём на ужин.

— Я категорически отказываюсь! — Габриэль скрестил руки на груди и принял позу, в которой его дядя, Властелин Доминиона, обычно отвергал неугодные законопроекты. — Как старший по рангу и владелец навигационного оборудования, я заявляю: мы идём по центральной дороге. Точка.

Маниша посмотрела на его надутый, донельзя официальный вид, хмыкнула и вдруг широко, по-хулигански улыбнулась.

— Ну, иди по центральной, раз такой умный, — сказала она легко. — Только учти, Ушастый: через две версты там развилка у старого оврага, где разбойники любят проезжих трясти, а ещё через версту — брод через речку Ворчалку, который без знания брода только вплавь переходить. Я-то эти места с детства знаю, мне бабушка все тропки показывала. А ты со своим медным кругляшком в первом же овраге штаны порвёшь.

Она повернулась на каблуках, подправила венок из фиалок и бодро зашагала прямо в «красивые кусты», раздвигая ветки шиповника.

— Сумка-то всё равно у тебя, Габи! — звонко крикнула она уже из зелёной чащи. — Догоняй, а то без ужина оста-

нешься!

Габриэль остался стоять посреди развилки в полном одиночестве.

Он посмотрел на широкую, правильную, логичную центральную дорогу. Затем перевёл взгляд на колышущиеся ветки орешника, за которыми только что скрылась рыжая макушка невыносимой деревенской девчонки, унёсшей с собой единственное знание местной географии и способность излечивать царапины подорожником.

Будущий главный канцлер Эльфийского Доминиона закрыл глаза, сделал глубокий вдох, достал из нагрудного кармана тетрадь в зелёном переплёте и самозаправляющееся перо.

Напротив цифры «4», оставленной им полчаса назад, он быстрым, нервным почерком вывел:

«Правило № 4. Все законы картографии, логистики и здравого смысла полностью аннулируются при столкновении с аргументом "зато там кусты красивые". В подобных случаях единственной разумной стратегией выживания является следование за источником хаоса на безопасной дистанции».

Захлопнув тетрадь, Габриэль поправил фуражку, перехватил поудобнее ремень сумки, в которой тихонько звякнула чугунная сковородка, и с обречённым вздохом шагнул вслед за Манишей в густые заросли шиповника.

Глава 3. Тропа красивых кустов, лесные разбойники и котелок-сплетник

Лес за развилкой пах так вкусно, что у Маниши аж голова кружилась от счастья. Пахло нагретой сосновой корой, спелым шиповником, прелой листвой и сладковатой сыростью из оврага, где наверняка прятались крепкие пузатые боровики. Маниша шагала вприпрыжку, раздвигая ветки орешника и напевая под нос старую деревенскую прибаутку про хромого гусака. Венок из лесных фиалок чуть съехал ей на ухо, косички растрепались, но на душе было легко-легко — будто тяжёлый мешок с картошкой с плеч скинула. Вся Бельгамия с её бесконечными «Маниша, приворожи», «Маниша, погадай» и Старостиным скрипучим «плати за дым» осталась далеко позади. А впереди был огромный, невиданный мир, Центральный город и бабушкина тайна.

Позади неё, стараясь не наступать ни на одну ветку, которая могла бы хрустнуть, вышагивал Габриэль.

Маниша обернулась на ходу, прищурилась и еле сдержала смешок. Ну чисто цапля на болоте! Длинный, худой как жердь, в своём тёмно-синем мундире с серебряными пуговицами, он высоко поднимал колени, придерживал фуражку

одной рукой, а другой отводил от себя ветки шиповника двумя пальцами, будто те были намазаны дёгтем. — Осторожнее, Ушастый, тут корень торчит! — предупредила она, перепрыгивая через замшелую корягу. — И не сопи так громко, всех белок распугаешь!

— Я не соплю, я осуществляю контролируемый дыхательный цикл в условиях повышенной запылённости воздуха, — отозвался Габриэль с таким важным видом, словно выступал перед царским советом. — И прошу заметить, юная жрица, что ваш так называемый «короткий путь» уже отклонился от расчётного азимута на двенадцать градусов к югу.

— Да не боись ты, мы уже почти вышли, — махнула рукой Маниша. — Вон, слышишь, телега где-то далеко заскрипела? Это уже большой тракт! Сейчас через овражек перемахнём, вдоль ручья пройдём — и выйдем прямо к старому верстовому столбу.

Бабушка меня тут с малых лет водила, я каждый куст в лицо знаю.

Она присмотрелась к Габриэлю повнимательнее. Бледный, скулы острые, под глазами тени залегли — сразу видно, всё детство над книжками просидел, солнца белого не видел. «Ничего, — подумала Маниша по-хозяйски, — вот дойдём до привала, я ему сала поджарю с лучком, яишенку на сковородке сварганю — мигом румянец нагуляет.

А то ветром сдует, кто мне потом умные слова объяснять будет?»

Тропинка нырнула в неглубокий прохладный овраг, поросший папоротником, а затем круто поднялась вверх, упираясь в густой ельник. Стоило Манише раздвинуть колючие еловые лапы, как она нос к носу столкнулась с чьим-то широким, обтянутым грязным кожаным жилетом животом.

— Опаньки! «А кто это тут у нас по кустам шастает?» — пробасил грубый, прокуренный голос.

Маниша отскочила назад, едва не наступив Габриэлю на сапог.

На небольшой поляне у самой кромки тракта, прямо возле потухшего кострища и поваленного дуба, стояли трое. Первый — здоровенный детина с рыжей клочковатой бородой, в кривой меховой шапке и с увесистой дубиной на плече. Второй — тощий и длинный, как оглобля, с кривой ухмылкой и ржавым тесаком за поясом. Третий — коренастый мужичок в заплатанном кафтане, сжимавший в руках короткий охотничий лук с наложенной стрелой.

— Гляди-ка, Сиплый, — ухмыльнулся бородатый, оглядывая Манишу и выступившего из-за её спины Габриэля. — Рыжая пигалица да какой-то синий журавль в фуражке! Не иначе, барский сынок из столицы заблудился! Пуговицы-то глянь — чистое серебро! Маниша похолодела и инстинктивно потянулась рукой к сумке на плече Габриэля, где лежал бабушкин гримуар. Она уже прикидывала в уме, какой бы заговор покрепче вспомнить — на понос или сразу на жабью сыпь, — но тут Габриэль сделал шаг вперёд.

Он мягко, но твёрдо отодвинул Манишу себе за спину, поправил фуражку и посмотрел на бородатого разбойника так, словно тот был нерадивым писарем, допустившим кляксу в годовом отчёте.

— Добрый день, господа, — произнёс Габриэль ровным, ледяным, до невозможности официальным голосом. — Позвольте представиться: Габриэль Аурелиус Вальдемар Селестин де ла Вереск-и-Терн, полномочный представитель Канцелярии Эльфийского Доминиона при исполнении полевой практики. Настоящим уведомляю вас, что данная лесная просека примыкает к тракту общего пользования, а следовательно, любые попытки взимания несанкционированной пошлины попадают под действие статьи сто сорок седьмой Уголовного уложения «О разбойном нападении и незаконном обогащении». Прошу немедленно опустить холодное оружие и предъявить лицензию на осуществление охранной деятельности.

На поляне повисла гробовая тишина. Даже птицы в ветвях замолчали. Бородатый разбойник медленно моргнул. Длинный открыл рот, почесал затылок ржавым тесаком и покосился на лучника.

— Чего он сказал? — сипло переспросил бородатый. — Какая такая… юрис… лизенция? Ты чего, ушастый, зубы нам заговариваешь?! Кошелёк давай и мундир снимай, пока я тебе эту фуражку на уши не натянул!

Габриэль тяжело, почти печально вздохнул.

— Фиксирую полную правовую безграмотность и отказ от мирного урегулирования конфликта, — тихо пробормотал он себе под нос. — Как крайне нерационально.

Дальше всё произошло так быстро, что Маниша даже моргнуть не успела. Бородатый с рёвом занёс свою дубину для сокрушительного удара сверху. Маниша вскрикнула, дёрнувшись вперёд, но Габриэль даже не отступил.

Лёгким, неуловимым движением кисти он отстегнул от пояса короткий, но невероятно острый эльфийский клинок в тёмных ножнах, который Маниша раньше и не замечала под полами мундира. Раздался тонкий, певучий звон стали.

Слова о том, что этот худой пятнадцатилетний книжник с младенчества обучался в закрытых школах Доминиона как будущий защитник державы, не были пустым звуком. Его тело сработало на чистых, вбитых годами тренировок рефлексах.

Габриэль плавно, с кошачьей грацией шагнул внутрь замаха разбойника. Удар дубины просвистел в миллиметре от его плеча, а сам эльф коротким, выверенным тычком гарды прямо в солнечное сплетение выбил из бородатого весь дух. Пока здоровяк, хрипя и выпучив глаза, оседал на траву, длинный разбойник с визгом бросился на Габриэля с тесаком.

Не оборачиваясь, Габриэль провёл свободную левую руку по воздуху, чертя в пространстве крошечную, ослепительно-синюю руну. Воздух сгустился и ударил длинного неви-

димым, но тяжёлым как мешок с песком силовым импульсом прямо в грудь. Разбойника отбросило на три шага назад, он запнулся о корень и с грохотом влетел в кусты орешника.

Оставался лучник. Перепуганный мужичок дёрнул тетиву, спуская стрелу прямо в грудь эльфу.

Маниша зажмурилась — но тут же услышала сухой деревянный щелчок. Когда она открыла глаза, Габриэль стоял в безупречной фехтовальной стойке, а разрубленная ровно пополам стрела догорала на траве синими искрами. Вторым неуловимым взмахом клинка эльф рассек тетиву лука прямо в руках у ошалевшего разбойника, а острие его меча замерло точно у кончика носа перепуганного мужичка.

— Согласно правилам ведения ближнего боя, ваша боеспособность сведена к нулю, — холодно сообщил Габриэль, даже не сбив дыхания. — Рекомендую немедленную ретираду.

Лучник пискнул, выронил обрубок лука и пустился наутёк так, что только пятки засверкали. За ним, держась за живот и хрипя, ковылял бородатый, а из кустов с воем выскочил длинный, не разбирая дороги, сшиб старый котелок у кострища и скрылся в чаще.

Через пять секунд на поляне снова пели птицы.

Габриэль выпрямился, с безупречным изяществом стряхнул с клинка невидимую пылинку, мягким движением вложил меч обратно в ножны и слегка повернул голову, чувствуя на себе чей-то пристальный взгляд.

Маниша стояла на краю поляны, прижав ладони к щекам. Глаза её были круглыми, как два медных пятака, а рот приоткрыт от неподдельного, детского восторга. — Вау… — выдохнула она на всю поляну. — Габи! Ты… ты такой сильный! Вау! На бледных щеках и длинных острых ушах пятнадцатилетнего канцлера мгновенно вспыхнул густой, предательский пунцовый румянец. Габриэль откашлялся, попытался снова натянуть на лицо маску невозмутимого чиновника, поправил фуражку — но при этом украдкой скосил зелёные глаза на Манишу и еле заметно качнул подбородком, словно говоря: «Не останавливайтесь, юная жрица, ваши наблюдения вполне соответствуют действительности».

Маниша, которая людей видела насквозь, раскусила этот жест за долю секунды. «Ах ты ж хитрец ушастый! — пронеслось у неё в голове. — Так вот где у тебя кнопка спрятана! Тебя хвалить надо, ты от этого как кот от сметаны таешь!»

Она тут же подлетела к нему, всплеснула руками и затараторила с таким искренним восхищением, будто перед ней стоял сам богатырь из бабушкиных сказок:

— Нет, ну ты видал, как он мечом-то махнул?! А стрелу пополам — вжик, и нету! Вау, Габи, ты такой замечательный! Прямо как рыцарь королевский! Я-то думала, ты только книжки читать горазд, а ты вон какой богатырь! Да с тобой хоть на край света, хоть к самому дракону в пасть — ни один разбойник близко не подойдёт!

Уши Габриэля стали цвета спелой малины, но спина выпрямилась ещё сильнее, а уголки губ дрогнули в сдержанной, самодовольной улыбке, которую он изо всех сил пытался скрыть за строгим видом.

— Ну, что вы, юная жрица, — произнёс он бархатным, чуть охрипшим от смущения голосом. — Это всего лишь базовый курс фехтования и прикладной защитной магии, обязательный для всех высших чиновников Доминиона. Ничего выдающегося. Просто… дисциплина и регулярные тренировки. Хотя, признаю, ваша оценка ситуации отличается редкой объективностью.

Да какая там объективность, я своими глазами видела! — подхватила Маниша, еле сдерживая смех, глядя на его пылающие уши. — Настоящий герой! Слушай, герой, а пока ты тут врагов державы разгонял, они вон чего у костра побросали!

Она указала пальцем на почерневший медный котелок с крышкой на цепочке, который перевернулся, когда длинный разбойник убегал в кусты, и теперь тихонько позванивал и подпрыгивал на траве, словно пытался самостоятельно перевернуться обратно на донышко.

Маниша подошла ближе к кострищу, но на полпути остановилась и с подозрением уставилась на пояс Габриэля, где под синей полой мундира снова поблескивала скромная серебряная пряжка-футляр, не длиннее обычного перочинно-

го ножика. — Погоди-ка, Ушастый, — прищурилась она, уперев руки в бока. — А откуда у тебя эта сабля взялась? Я ж тебя в избе с ног до головы оглядела, и в лесу, когда ты над сумкой корпел, ничего такого не видела! Ты чего, этот ножик в рукаве прятал? Габриэль замер. Его бровь медленно поползла вверх, а лицо приняло то самое выражение оскорблённого величия, с которым, вероятно, его дядя-Властелин встречал послов недружественных королевств.

— Юная жрица, — произнёс он с таким ледяным пафосом, словно зачитывал приговор на центральной площади, — это не «ножик». Это Серебряный Аркан-Клинок Дома де ла Вереск-и-Терн, священный атрибут и родовая реликвия, выкованная из звёздного мифрила мастерами Первой Эпохи! В походном положении он пребывает в свёрнутом состоянии в виде уставной пряжки и разворачивается исключительно по ментальному коду носителя при возникновении прямой угрозы жизни! Называть его «ножиком» — всё равно что именовать корону Властелина «медной кастрюлькой»!

— Ой, ну подумаешь, кастрюлькой… — фыркнула Маниша, но тут же вспомнила про волшебную «кнопку» эльфа, хитро прищурилась и добавила самым сладким голосом: — Хотя чего это я! Такой благородный клинок только в руках настоящего богатыря и засветится! Прямо как в сказках!

Уши Габриэля тут же предательски порозовели снова, он гордо вздёрнул подбородок и пробормотал:

— Ваше стремление к исправлению терминологических

ошибок похвально.

Продолжайте в том же духе.

Маниша с трудом подавила смешок и наконец повернулась к загадочному предмету у потухшего костра.

Почерневший от копоти медный котелок, который сшиб длинный разбойник, всё ещё лежал на боку, мелко подрагивая. Но стоило Манише сделать к нему шаг, как котелок вдруг громко, по-человечески крякнул, подпрыгнул на пузатом бочке и со звонким стуком встал ровно на три кованые ножки. Его медная крышка на цепочке приоткрылась на пару пальцев, и из-под неё донёсся скрипучий, ворчливый старческий голос:

— Ну наконец-то! Думал, так и сгнию в этом буреломе с этими оборванцами! Ни вкуса, ни фантазии, ни свежих новостей! Три дня одну и ту же байку про хромую кобылу травили — тьфу, аж накипь на стенках пошла!

Маниша от неожиданности икнула. Габриэль мгновенно напрягся, его рука снова метнулась к «священному атрибуту» на поясе, а сам он шагнул вперёд, заслоняя девушку.

Фиксирую несанкционированный разумный артефакт, — отчеканил эльф, сузив зелёные глаза. — Немедленно назовите свой инвентарный номер, категорию магического класса и имя владельца! Крышка котелка возмущённо хлопнула.

— Ишь ты, какой прыткий! «Инвентарный номер»! Я тебе не казённый сундук, длинноухий! Меня сам архимаг Терентий на ярмарке в Великом Доле зачаровывал, когда твоя

прабабка ещё в пелёнках агукала! Эти лесные олухи меня у одного зазевавшегося купца из обоза утащили, а толку с них — как с козла молока! — Так ты… ты варить умеешь? — Маниша бесстрашно обошла застывшего в боевой стойке Габриэля и присела на корточки прямо перед говорящей посудиной. — Умею ли я?! — зазвенел от гордости котелок, аж бока у него медным блеском отлили. — Да я тебе, рыжая, такую кашу из топора сварю — пальчики оближешь! Хочешь гречневую с грибами да шкварками, хочешь пшённую на топлёном молочке с тыквой, а хочешь — царскую полбу с мёдом и орехами! Из чистого воздуха, без крупы и огня!

— Ой, красота какая! — всплеснула руками Маниша. — А чего ж ты этим разбойникам не варил?

Котелок тяжело, со свистом выпустил струйку пара из-под крышки.

— Потому что у меня принцип, девка! Магия-то у меня бытовая, на душевном тепле работает. Чтобы каша наваристой да вкусной вышла, мне перед готовкой нужна пища для ума. Свежая, сочная, забористая сплетня! Такая, чтобы аж крышка подпрыгивала! А эти лесные пни только и знали, что материться да сапоги сушить. Вот я им вместо каши одну пресную баланду на воде и выдавал.

Габриэль опустил руку с пояса и посмотрел на котелок с таким выражением, словно перед ним лежало доказательство полного краха всей эльфийской науки.

— Абсурд, — заявил он. — Нарушение закона сохранения массы и энергии. Термическая обработка несуществующего зерна посредством вербальной передачи слухов противоречит фундаментальным основам арканистики!

— Ой, Габи, не занудствуй, у меня в животе уже марш играют! — отмахнулась Маниша и похлопала по тёплому медном боку котелка. — Ну-ка, дедушка, слушай сюда! Расскажу я тебе историю из нашей Бельгамии — закачаешься! Значит, живёт у нас тётка Глаша, баба видная, бойкая, на всю деревню голос слышно. И приспичило ей замуж за нашего кузнеца, Степана, выйти. А Степан-то мужик тихий, всё у горна молчит да подковы гнёт, на баб и смотреть боится…

Котелок замер. Его крышка приоткрылась пошире, словно он навострил уши. — И вот приходит эта Глаша ко мне сегодня поутру, — продолжила Маниша в лицах, понизив голос до заговорщицкого шёпота, — тащит два десятка яиц и говорит: «Сделай, Маниша, приворот такой, чтоб Степан ко мне как банный лист прилип!». А я смотрю — у Степана в кузне уже третья неделя как новая кружка расписная стоит, и пироги с капустой каждое утро на наковальне появляются! А носит их ему — кто бы ты думал? — наша тихоня Авдотья, Старостина племянница! И Степан ей вчера на околице забор чинил, да так старался, что аж три штакетины лишних прибил, лишь бы подольше рядом постоять!

— О-о-о! — протянул котелок восхищённо. — Вот это поворот! Старостина племянница, значит, из-под носа у бой-

бабы кузнеца увела?! Ну и дела! А Глаша-то что?

А Глаша об этом ни сном ни духом! Я ей отварчик-то дала — правда, не приворотный, а от икоты и нервной чесотки, чтоб не буянила, когда узнает! — хихикнула Маниша. — Завтра на селе такой концерт будет — хоть билеты продавай! Внутри котелка что-то радостно булькнуло, зашипело и заурчало, словно довольный кот. По поляне мгновенно поплыл такой густой, умопомрачительный аромат рассыпчатой гречневой каши, томлёной с белыми грибами, душистым перцем и шкварками, что даже у непоколебимого Габриэля дёрнулся кадык.

— Принято! — торжественно провозгласил котелок. — Зачётная история, с перчинкой! Получайте по высшему разряду!

Крышка со звоном откинулась. До самых краёв котелок был полон горячей, рассыпчатой, дымящейся каши.

Маниша победно взглянула на Габриэля.

— Ну что, Ушастый, будешь дальше про законы арканистики бубнить или ложку доставать? У тебя там в казённом архиве походный набор имеется?

Габриэль помолчал секунду, оценивая риски. С одной стороны, употребление пищи, материализованной несертифицированным магическим объектом неизвестного происхождения, противоречило всем инструкциям. С другой — аромат белых грибов был настолько убедительным, что его же-

лудок снова издал предательское урчание. — Исключительно в целях полевого эксперимента по изучению свойств бытовых артефактов, — сухо ответил эльф, доставая из сумки два серебряных походных прибора и идеальную салфетку. — Вы, как инициатор контакта, проводите первичную дегустацию. Я прослежу за отсутствием признаков отравления в течение тридцати секунд.

— Да ешь уже, трусишка! — рассмеялась Маниша, зачерпывая полную ложку. — М-мм! Божички, как у бабушки из русской печки!

Габриэль осторожно попробовал крошечный кусочек. Закрыл глаза. Прожевал. Открыл глаза.

— Признаю, — произнёс он с невозмутимым видом, тут же зачерпывая вторую, уже куда более внушительную ложку, — энергетическая ценность и органолептические показатели данного продукта находятся на приемлемом уровне. Для кустарной магии — вполне сносно.

Котелок самодовольно фыркнул, а Маниша только покачала головой, глядя, с какой скоростью «пятнадцатилетний дед» уплетает вторую порцию.

Когда ужин был закончен, котелок сам собой вычистился изнутри, стряхнув остатки пара, и деловито поинтересовался:

— Ну что, молодёжь, куда путь держите? Не оставите же вы меня тут одного в лесу? Я вам ещё пригодюсь! С меня — горячее питание трижды в день, с вас — свежие сплетни с

тракта! По рукам?

— Ещё бы! — обрадовалась Маниша и посмотрела на Габриэля. — Габи, у нас в «гастрономическом карантине» место для одного дедушки найдётся?

Габриэль критически оглядел закопчённый котелок, достал из аптечки чистую тряпицу, тщательно обтёр его дно от сажи и только после этого аккуратно опустил в правый сектор безразмерной сумки — подальше от свитков, рядом с чугунной сковородкой. — Принимаем на баланс в качестве временного полевого имущества, — постановил эльф, застёгивая ремень. — При условии соблюдения тишины во время движения и отсутствия сажи на внутренней обшивке.

— Договорились, начальник! — глухо отозвался котелок из недр сумки.

Герои вышли из ельника прямо на широкий, укатанный Большой торговый тракт. Солнце клонилось к закату, окрашивая верхушки сосен в тёплый золотисто-розовый цвет. Впереди, у обочины, стоял старый верстовой столб с чёткой, вырезанной по дереву стрелкой: «До Янтарного Кряжа — 65 вёрст».

Габриэль сверился с медным компасом, который теперь показывал направление с идеальной точностью, и бросил быстрый взгляд на Манишу. Та стояла, закинув голову, подставляя веснушчатое лицо последним лучам солнца, и улыбалась так широко и счастливо, что у эльфа снова слегка потеплело где-то под серебряными пуговицами мундира.

— Что ж, юная жрица, — произнёс он чуть мягче обычного. — Первый этап маршрута пройден с минимальными потерями. Предлагаю найти безопасное место для ночлега до наступления темноты.

— Пошли, Ушастый! — подмигнула она, подхватывая его под локоть, отчего Габриэль слегка вздрогнул, но руку убирать не стал. — А завтра на тракте таких сплетен наберём — котелок нам на обед вареников с вишней наколдует!

Глава 4. Ночной регламент, розовый озон и медальон с двойным дном

Согласно Полевому уставу Канцелярии Эльфийского Доминиона, идеальное место для ночлега пешей экспедиции должно располагаться на сухой возвышенности не ближе пятидесяти аршин от проезжей части, обладать естественным дренажем почвы и просматриваться по периметру на сто шагов.

Постоялый двор «Кривой Гусь», возникший на обочине Большого торгового тракта в густых сиреневых сумерках, не соответствовал ни одному из вышеперечисленных критериев.

Он стоял в низине. Его покосившаяся вывеска с изображением одноглазой птицы жалобно скрипела на ветру, напоминая о неминуемом обрушении несущих конструкций. Из приоткрытой двери тяжёлым, густым облаком вываливался запах пережаренного лука, кислого пива, мокрой овчины и полного отсутствия санитарной инспекции.

Габриэль замер в десяти шагах от крыльца, инстинктивно прикрыв нос краем батистового платка.

— Юная жрица, — произнёс он голосом, не терпящим

возражений. — Визуальный и обонятельный анализ данного объекта позволяет присвоить ему категорию

«Критически опасно для здоровья». Мы разобьём лагерь в сосняке в трёхстах шагах к северу. У меня в казённом архиве имеется само раскладывающаяся палатка с антимоскитной сеткой.

— Ага, и спать на шишках, пока в кустах волки зубами щёлкают! — фыркнула Маниша, уже шагая прямиком к распахнутой двери трактира. — Не выдумывай, Ушастый! Нам перины нужны, чтобы спина отдохнула, и крыша над головой. А главное — ты про дедушку нашего в сумке забыл? Чем мы котелок утром кормить будем? Беличьими хвостами? Нам сплетни свежие нужны, сочные! А где их взять, как не в трактире? Аргумент был убийственным с точки зрения продовольственной логистики. Из недр безразмерной сумки на плече Габриэля действительно донеслось одобрительное, приглушённое позванивание медной крышки.

Тяжело вздохнув и мысленно попрощавшись с нормативами гигиены, будущий главный канцлер переступил порог «Кривого Гуся».

В общем зале было шумно, накурено и тесно. За грубо сколоченными столами сидели возчики, двое запылённых купцов и какой-то помятый менестрель, лениво перебиравший струны расстроенной лютни. Габриэль, стараясь ни к чему не прислоняться и не наступать на подозрительные пятна на полу, проследовал к стойке, где заспанный трактирщик

с неохотой выдал им ключ от единственной свободной комнаты на втором этаже — в обмен на две мелкие серебряные монеты Доминиона, которые Габриэль продезинфицировал спиртовой салфеткой ещё до того, как достать из кошелька.

Когда они поднялись по скрипучей лестнице и открыли дверь выделенного им «номера», Габриэль почувствовал, как у него дёрнулось правое веко.

Комната представляла собой каморку размером три на четыре аршина. По углам висела седая, вековая паутина, по форме напоминающая гамаки для лесных троллей. На единственном узком подоконнике лежал слой пыли толщиной в два пальца. А в центре стояла деревянная кровать, застеленная серым, застиранным до дыр покрывалом, от которого пахло так, словно на нём последние десять лет спали исключительно промокшие барсуки.

— Антисанитария пятой степени, — прошептал Габриэль, чувствуя, как по спине пробегает холодок ипохондрии. — Здесь невозможно находиться без защитного костюма. Я немедленно требую возврата средств и эвакуации в лес… — Тьфу ты, господи, ну и свинарник! — возмутилась Маниша.

В отличие от эльфа, она не бледнела и не хваталась за сердце. Девчонка упёрла руки в бока и с хозяйским негодованием осмотрела комнату. В её собственной избе в Бельгамии всегда пахло мятой, сушёной ромашкой и чисто вымытыми половицами — бабка Агафья за любую пылинку полотенцем гоняла.

Маниша подошла к кровати, откинула край серого покрывала, присмотрелась к шву матраса и вдруг издала звук, полный искреннего омерзения:

— Фу! Габи, глянь, это кто такие мелкие, плоские да рыжие ползают?! Тьфу, гадость какая, ещё и кусаются, поди! У нас в деревне такой нечисти отродясь не водилось! Габриэль на секунду заглянул через её плечо, увидел стремительно разбегающихся по шву постельных паразитов, и его зрачки сузились до размеров булавочных головок. — Cimex lectularius! — выдохнул эльф с таким ужасом, словно на кровати сидел голодный василиск. — Постельные клопы! Немедленно отойдите от спального места! Заражение бельевого фонда эктопаразитами! Выходим! Немедленно выходим из помещения!

— Да погоди ты орать, сейчас всё приберём, делов-то! — отмахнулась Маниша. — Не в лесу же ночевать, когда за комнату уплочено! Доставай-ка мою книгу, Ушастый, тут бабушкин заговор от моли, пыли и всякой ползучей пакости нужен!

— Я категорически запрещаю применение несертифицированной магии в замкнутом пространстве! — попытался возразить Габриэль, но Маниша уже бесцеремонно расстегнула клапан его сумки и вытянула наружу тяжёлый бабушкин гримуар. Она перелистнула пару страниц, ткнула пальцем в знакомую каракулю на полях, набрала в грудь побольше воздуха и скороговоркой выпалила:

— «Пыль-дым-клопы-брысь, чистота-красота-розой-обернись!» — и для верности щелкнула пальцами, выпустив в воздух крошечную искру дикой, неструктурированной силы.

Габриэль успел только прикрыть глаза рукой.

Вспыхнул ослепительный, резкий свет. По комнате прокатился сухой, трескучий разряд, словно рядом ударила летняя молния. Воздух мгновенно наполнился густым, бодрящим запахом свежего озона, как после сильной грозы над горным озером.

Через две секунды всё стихло.

Габриэль медленно опустил руку и осмотрелся.

Пыль исчезла. Вековая паутина в углах испарилась без следа. Половицы блестели так, словно их только что надраили песком и щелоком. От постельных клопов и затхлого запаха не осталось даже воспоминания — воздух был кристально свежим. Но была одна крошечная, совершенно незначительная деталь, из-за которой у будущего главного канцлера Эльфийского Доминиона перехватило дыхание. Маниша, как это с ней случалось регулярно, немного напутала с цветовыми и пространственными векторами заклинания.

Стены комнаты стали ярко-розовыми. Деревянный стол, стул и занавеска на окне приобрели насыщенный оттенок малинового зефира. Простыни и подушки на кровати сияли нежным пастельно-розовым цветом цветущего шиповника.

Габриэль медленно опустил взгляд на себя.

Его безупречный, строгий, казённый тёмно-синий мундир Канцелярии Доминиона, его начищенные до блеска чёрные дорожные сапоги и даже уставная форменная фуражка с серебряной кокардой теперь были ослепительного, кричащего, невыносимо жизнерадостного розового цвета. Даже белая батистовая манжета на рукаве отливала нежным румянцем.

В комнате повисла звенящая тишина.

Маниша обвела взглядом преобразившуюся каморку, потянула носом пахнущий грозой воздух, затем посмотрела на эльфа и радостно всплеснула руками:

— Ой, гляди, Габи, как нарядно вышло! Прямо как моё Розовое море из сказки! И ни одной соринки, и грозой пахнет! А тебе, между прочим, розовый очень даже к лицу — сразу румянец появился, не такой бледный стал!

Габриэль открыл рот. Закрыл его. Посмотрел на свой розовый рукав, затем на розовые сапоги и почувствовал, как его разум медленно, со скрипом съезжает с рельсов логики.

— Вы… — голос эльфа прозвучал как скрип несмазанной калитки. — Вы подвергли принудительной хроматической мутации форменное обмундирование государственного служащего третьего ранга… Я выгляжу как кондитерское изделие.

Как марципановый поросёнок. Если меня в таком виде увидят представители Доминиона, меня лишат дворянского

титула ещё до начала заседания комиссии!

— Да ладно тебе бубнить, к утру само выветрится! Наверное, — беспечно отмахнулась Маниша, плюхаясь на розовую перину и с удовольствием подпрыгивая. — Мягко-то как! Ну, чего стоишь как столб? Снимай свою розовую фуражку, садись к столу. Ты ж обещал мой медальон через свою волшебную стекляшку поглядеть!

Габриэль с трудом подавил желание лечь на розовый пол и завыть. Вместо этого он с ледяным достоинством снял розовую фуражку, повесил её на розовый крючок у двери, достал из розовой (к счастью, только снаружи — внутри пространственный карман остался нетронутым) сумки свою тетрадь и серебряное перо.

Прежде чем приступить к осмотру медальона, он твёрдой рукой вписал в «Пособие по выживанию» новый пункт:

«Правило № 5. Никогда не позволяйте сельским жрицам проводить санитарную обработку помещений с помощью магии. Полная стерилизация пространства и уничтожение паразитов гарантированы, однако побочным эффектом является тотальная гламуризация личного состава и превращение уставного мундира в декорацию для детского утренника».

Захлопнув тетрадь, Габриэль подошёл к столу, достал из «Казённого архива» походную лупу с тройным увеличением и арканический монокль, после чего протянул руку.

— Давайте ваш медальон, юная жрица. Пока мои глаза окончательно не привыкли к этому визуальному террору, я проведу экспертизу вашего предполагаемого наследства.

Маниша сняла с шеи кожаный шнурок и положила потемневший от времени серебряный медальон на ярко-розовую столешницу.

Габриэль надел арканический монокль, вооружился лупой с тройным увеличением и склонился над реликвией с сосредоточенностью ювелира-криминалиста.

На первый взгляд медальон выглядел как обычная старинная безделушка: овальный серебряный корпус, украшенный витиеватым растительным орнаментом. Но стоило

Габриэлю сфокусировать сквозь монокль слабый магический импульс, как потемневшая от патины поверхность отозвалась едва заметным золотистым свечением.

— Любопытно, — пробормотал эльф, прищурившись. — Весьма любопытно. Юная жрица, ваш дедушка явно не был простым сельским ремесленником. Посмотрите на внутренний ободок.

Он развернул медальон обратной стороной и подставил лупу. Под слоем вековой пыли и окислов проступили крошечные, выгравированные с невероятной точностью знаки: скрещённые циркуль и перо, заключённые в восьмилучевую звезду.

— Это герб Высшей Гильдии Архитекторов и Артефак-

торов Янтарного Кряжа, — с уважением произнёс Габриэль, снимая монокль. — Причём не рядового подмастерья, а мастера-хранителя первой категории. Более того, внутри корпуса спрятан многослойный пространственный замок. Этот медальон — не просто доказательство родства. Это персональный ключ от депозитарной ячейки в Главном хранилище Гильдии.

Маниша замерла, приоткрыв рот, и уставилась на серебряный овал так, словно тот только что превратился в живого светлячка.

— Ого… Это что же получается, дед мой в Янтарном Кряже большим человеком был? — тихо переспросила она, осторожно касаясь пальцем выгравированной звезды. — И в той ячейке… там что-то важное лежит?

— Учитывая уровень защиты артефакта — безусловно, — кивнул Габриэль, возвращая ей медальон. — Рекомендую носить его строго под одеждой и не демонстрировать посторонним до момента прибытия в Янтарный Кряж. А теперь, если вы не возражаете, нам необходимо спуститься в общий зал. У меня критически упал уровень глюкозы в крови, а нашему… хм… «походному оборудованию» в лице медного котелка требуется информационное обеспечение на завтрак.

Спуск в общий зал трактира «Кривой Гусь» стал для Габриэля новым испытанием на прочность нервной системы.

Когда они сошли по лестнице, трое возчиков за угловым столом поперхнулись пивом, а помятый менестрель взял та-

кую фальшивую ноту на лютне, что лопнула басовая струна. Появление в прокуренном придорожном кабаке долговязого остроухого юноши в ослепительно-розовом парадном мундире и розовых сапогах произвело эффект разорвавшейся хлопушки.

Габриэль, высоко подняв подбородок и сделав вид, что розовый цвет является последним писком столичной моды Эльфийского Доминиона, с ледяным достоинством прошествовал к самому чистому углу зала.

Зато Маниша чувствовала себя как рыба в воде. Не прошло и пяти минут, как она уже сидела за соседним столом, уплетала горячую похлёбку с хлебом (предварительно проверенную Габриэлем на отсутствие признаков порчи) и без умолку болтала с разговорчивым возчиком, везшим бочки с мёдом в сторону Янтарного Кряжа. Габриэль сидел рядом, методично цедил кипячёную воду из собственной походной фляги и внимательно фиксировал поступающие данные.

— Ой, дяденька, а правда говорят, что в Янтарном Кряже скоро ярмарка большая будет? — с самым наивным видом хлопала ресницами Маниша.

— А то как же, девка! — охотно подхватил возчик, вытирая усы рукавом. — Через десять дней открытие! Только там нынче такой переполох стоит — уму непостижимо! Мэр наш, господин Брюквенный, совсем с катушек слетел: тайком скупил всех уток и гусей на тридцать вёрст вокруг! Вчера обоз на тракте тормозили — так стражники каждую кор-

зину проверяли, чтоб ни одна кряква мимо городской казны не пролетела!

Говорят, он хочет на ярмарке устроить «Великий утиный пир» и наварить на этом три цены!

Маниша хитро покосилась на Габриэля — «Слыхал? Котелку на завтрак хватит с горкой!» — но тут возчик понизил голос, оглянулся на дверь и добавил:

— Да это ещё полбеды. На тракте нынче и поважнее гости объявились. Вчера вечером мимо нас проскакали четверо. Высокие такие, бледные, в тёмно-синих плащах с серебряными застёжками — сразу видно, не наши, из Эльфийского Доминиона. Останавливали каждый дилижанс, показывали какой-то портрет и выспрашивали у всех: не видал ли кто долговязого рыжего юнца в синем мундире с медным компасом. Говорили, мол, беглый наследник из высокой семьи, награду обещали — десять золотых за любую весточку.

Чашка с кипячёной водой в руке Габриэля не дрогнула ни на миллиметр. Ни один мускул не выдал его внутреннего напряжения. Он лишь медленно поставил кружку на стол и посмотрел на свой ярко-розовый рукав.

«Поисковый отряд Канцелярии, — мгновенно проанализировал он ситуацию. — Дядя всё-таки не смирился с Параграфом сорок вторым и отправил за мной ищеек. Превосходно. С одной стороны, это осложняет прохождение контрольно-пропускных пунктов. С другой…»

Он бросил быстрый взгляд на собственный розовый мун-

дир и розовые сапоги. Ищейки ищут строгого, мрачного аристократа в тёмно-синем мундире. Ни один эльфийский следопыт в здравом уме не заподозрит племянника Властелина в девице подобном юноше, одетом в цвет малинового зефира. Побочный эффект заклинания Маниши неожиданно превратился в идеальную маскировку.

— Благодарю за информационную сводку, господин возчик, — ровным голосом произнёс Габриэль, поднимаясь из-за стола. — Юная жрица, отбой. Нам необходимо выступить на рассвете.

Когда они вернулись наверх и заперли дверь розовый каморки на засов, перед Габриэлем встала новая, куда более острая стратегическая проблема.

В комнате была всего одна кровать. Правда, широкая, с огромной, пышной периной, пахнущей после заклинания Маниши свежим озоном и грозой. Других свободных комнат в трактире не было — трактирщик с самого начала отдал им последнюю. Габриэль замер посреди комнаты, оценивая варианты размещения личного состава:

•

Вариант А: Спать на полу на свернутом плаще. Неприемлемо — сквозняк от половиц гарантирует радикулит и простуду к утру.

•

Вариант Б: Дежурить сидя на розовом стуле до рассвета. Неприемлемо — снижение когнитивных функций и боеспо-

собности на сорок процентов.

•

Вариант В: Разделить спальное место с юной жрицей при условии строгого соблюдения нейтральной полосы.

— Чего застыл, Ушастый? — Маниша уже разулась, залезла на кровать и с удовольствием растянулась на розовой перине. — Кровать широкая, тут хоть трое улягутся! Ложись с краю, я с другого лягу, делов-то!

Габриэль тяжело вздохнул, снял розовые сапоги, аккуратно повесил розовый мундир на спинку стула, остался в тонкой батистовой рубашке и брюках и соорудил ровно посередине кровати внушительную демаркационную стену из двух розовых подушек и свёрнутого покрывала.

— Предупреждаю официально, юная жрица, — произнёс он, укладываясь на самый край перины с прямой, как струна, спиной. — Пересечение демаркационной линии в ночное время будет расцениваться как нарушение территориальной целостности.

Спи уже, зануда… — сонно пробормотала Маниша с той стороны баррикады и через минуту уже тихо посапывала.

Габриэль закрыл глаза, надеясь на восемь часов здорового, регламентированного сна.

Эта надежда прожила ровно сорок минут.

Ровно в полночь демаркационная линия из подушек была сметена сокрушительным фланговым ударом. Во сне тихая

и мирная травница превращалась в неуправляемый стихийный вихрь. Сначала в рёбра Габриэля прилетел острый локоть. Через десять минут его спину едва не проломило пяткой.

Ещё через четверть часа Маниша во сне что-то грозно пробормотала про старосту, размахнулась и отвесила будущему главному канцлеру Доминиона звонкую затрещину прямо по щеке, после чего попыталась закинуть на него обе ноги и скинуть с кровати на пол.

Габриэль открыл глаза в темноте. В висках стучало. Сон ускользал, а перспектива провести ночь в рукопашном бою со спящей девчонкой противоречила всем законам выживания.

Оценив обстановку с холодной решимостью полководца, эльф принял единственно верное стратегически важное решение.

Он приподнялся на локте, поймал очередную летящую в его сторону руку Маниши, быстро вытянул край широкого розового одеяла и за три отточенных, молниеносных движения туго спеленал девчонку от плеч до самых пяток, превратив её в аккуратный, плотный розовый кокон.

Маниша во сне недовольно нахмурилась, дёрнулась, попыталась выпростать локоть, но безупречный морской узел из одеяла держал насмерть. Тогда она тихо вздохнула и притихла.

Чтобы исключить даже теоретическую возможность разгерметизации кокона, Габриэль опустился обратно на подушку, придвинулся ближе и крепко прижал спелёнатый розовый кулёк руками к себе, зафиксировав его в неподвижном положении. От Маниши пахло тёплой мятой, летней грозой и лесным шиповником. Её макушка с растрёпанными рыжими косичками уткнулась ему точно под подбородок.

Габриэль на секунду замер, прислушиваясь к собственному пульсу. Странное дело: никакой тахикардии, никакой паники из-за нарушения личного пространства не возникло. Напротив — по телу разлилось непривычное, спокойное тепло, а в голове впервые за весь этот безумный день наступила идеальная тишина.

— Нарушитель нейтрализован, — тихо прошептал будущий канцлер в темноту, закрывая глаза. — Периметр безопасен. Отбой.

И впервые за время своего побега уснул крепким, безмятежным сном на мягкой перине.

Глава 5. Розовый кокон, утиный заговор и бродячий балаган

Просыпалась Маниша всегда быстро и сразу — будто кто-то внутри неё нажимал невидимую кнопку, и сон слетал как шелуха с семечки.

Вот и сейчас, едва за узким окном забрезжил серый, прохладный рассвет, она распахнула глаза, сладко потянулась… и тут же замерла, моргнув от неожиданности. Потянуться не вышло. Руки оказались намертво прижаты к бокам, ноги спелёнаты так плотно, словно она была не восемнадцатилетней жрицей, а младенцем, которого бабка Агафья туго закрутила в свивальник перед поездкой на ярмарку. Всё вокруг — от подушки под щекой до одеяла, в которое она была замотана по самый подбородок — светилось нежным, весёлым цветом цветущего шиповника.

А главное — прямо над её макушкой кто-то тихо и мерно сопел, а поперек её спелёнатых плеч лежала длинная, худая рука в тонкой батистовой рубашке, бережно и крепко прижимавшая «кулёк» к себе.

Маниша скосила глаза вверх и еле сдержала фырканье, прикусив губу до боли, чтобы не расхохотаться в голос.

Габриэль спал. Впервые за всё время их знакомства на его

лице не было ни единой строгой морщинки. Рыжие вихры растрепались по розовой подушке, длинные ресницы отбрасывали тени на бледные скулы, а уголки губ слегка приподнялись, словно во сне будущему главному канцлеру Доминиона наконец-то приснился идеальный отчёт без единой кляксы.

«Ой, батюшки-светы! — зашлась от беззвучного смеха Маниша. — Это ж надо! Видать, я его ночью пятками так приложила, что он меня в одеяло увязал, как мешок с картошкой, да ещё и прижал, чтоб не брыкалась! А ведь с виду такой важный, неприступный — „соблюдайте дистанцию, юная жрица!“»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.